

Марина
СЕРОВА

**Пока гром
не грянет...**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

ЭКСМО

Марина Сергеевна Серова
Пока гром не грянет...
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126137

*Пока гром не грянет... Казусы частного сыска: Повести: Эксмо; М.:
2000*

ISBN 5-04-003735-X

Аннотация

Театральная прима Алевтина Скоробогатова в панике! Преследующий ее сексуальный маньяк от записок пере шел к действиям. Пробравшись на квартиру актрисы, он облил ее постель кровью. А вскоре в гримерной Алевтины находят белого голубя с отрезанной головой и записку: «Ты – моя голубка». Скоробогатова уверена, что спасти ее от безумств маньяка может только телохранитель Евгения Охотникова.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марина Серова

Пока гром не грянет...

Глава 1

– Кто-то очень хочет меня убить! – Женщина на том конце телефонной линии явно была взволнована.

– У вас есть основания так полагать? – спросила я. А сама подумала: «Я уже сама хочу ее убить! Сколько можно убеждать меня в том, что ей угрожают, совершенно бессвязными фразами!»

– Конечно! У меня есть масса оснований!

– Будет лучше, если вы мне обо всем расскажете при личной встрече.

– А вы сможете приехать ко мне домой?

– Разумеется! Давайте ваш адрес!

– Волжская, двадцать пять. Это недалеко от магазина «Зодиак». Знаете?

– Если не ошибаюсь, это такой новый элитный дом с башенками?

– Да, правильно! Квартира пятьдесят – там нужно будет позвонить по домофону. Второй подъезд. Приезжайте прямо сейчас – я буду вас ждать. Очень ждать...

– Хорошо, до встречи!

Я наконец положила трубку. Мадам, с которой я только что говорила, представилась мне как Алевтина Павловна Скоробогатова. Я слышала это имя – оно довольно часто упоминалось в местной светской хронике. Алевтина Скоробогатова была ведущей актрисой городского театра драмы. А ее супруг, Георгий Скоробогатов, был главным режиссером этого же театра. Ни одна из последних его постановок не обходилась без участия Алевтины Павловны. Но на этом моя информация об этой театральной чете исчерпывалась.

– Уходишь? – Увидев, что я куда-то собираюсь, в комнату вошла тетя Мила.

– Ту-ру-пу-пу-ру! Работа зовет! – пропела я.

– Опять работа! Со своей работой ты скоро будешь похожа на тень! – сердито заявила тетушка. – Тебе нужно отдохнуть!

– Вот только разберусь с гражданкой Скоробогатовой и отдохну! Обещаю, тетя! Честное пионерское!

– Это какой Скоробогатовой? – заинтересовалась тетя Мила. – Уж не с нашей актрисой ли?

– С нею самой! Она мне только что звонила. Очень просила с нею встретиться. Кстати, ты ведь у нас частенько бываешь в театре, можешь мне что-нибудь рассказать об этой дамочке?

– Да нечего особо рассказывать... – пожала плечами тетя Мила. – Актриса как актриса, только вот муж главный режиссер. Говорят, именно поэтому она постоянно на первых

ролях.

– Самые что ни на есть банальные слухи! – рассмеялась я. – Ничего более оригинального придумать просто нельзя. Слушай, а что они ставят?

– Что ставят? – задумалась тетя Мила. – Да все подряд! Как сейчас делают – что модно, то и ставят! Хотя, по-моему, в последнее время Скоробогатова потянуло на всякого рода экзотику. Он частенько привозит из ближнего и дальнего зарубежья разных малоизвестных драматургов и ставит их пьесы. Сейчас вроде бы заканчивается постановка какого-то Яромира Годецкого. По-моему, «Туз в рукаве», что ли? Не помню. Да и бог с ним!

– Я безнадежно отстала! Так давно не была в театре! – печально вздохнула я. – Теперь появится повод!

– Ты хоть позавтракай! Я плюшки испекла!

– Плюшки? Это здорово! Примадонна Скоробогатова может и подождать лишние полчаса! – И я решительно направилась за тетей Милой на кухню, где из-под полотенца, накрывавшего большое блюдо с плюшками, поднимался аппетитный ванильный запах.

* * *

«А неплохо устраиваются служители Мельпомены!» – подумала я, проезжая через автоматические ворота, ведущие во двор двенадцатиэтажного дома, построенного по инди-

видуальному проекту. Оставив машину на охраняемой стоянке, я подошла к двери второго подъезда и набрала на домофоне номер квартиры Скоробогатовых. Через некоторое время мне ответил строгий мужской голос:

– Да?

– Я пришла к Алевтине Павловне.

– Представьтесь, пожалуйста!

– Евгения Охотникова. Алевтина Павловна должна меня ждать.

– Хорошо, проходите! Это пятый этаж, из лифта сразу направо.

Замок двери щелкнул, открывая мне проход в очень аккуратный и чистый подъезд. Никаких тебе надписей на стенах, никаких посторонних запахов. По углам расставлены кадучки с искусственными фикусами. Интересно, я когда-нибудь смогу позволить себе поселиться в подобном доме? Пока лифт поднимал меня на пятый этаж, я прикидывала, сколько может стоить здесь квартирка и сколько лет мне пришлось бы зарабатывать необходимую сумму. Получалось, что долго! Это даже при моих доходах «выше среднего»! Чего уж там говорить о простых гражданах, не имеющих лицензии частного охранника, о скромных тружениках вроде научных работников, учителей, врачей и так далее!

Как меня и предупредил любезный мужчина по домофону, дверь пятидесятой квартиры располагалась направо от лифта. Тяжелая, добротная дверь, снаружи отделанная под

дерево. Номер пятьдесят... Кажется, у Булгакова в «Мастере и Маргарите» такой же? Забавно! Я где-то слышала, что Скоробогатов ставил спектакль по этой книге. Интересно, номер квартиры он себе специально выбирал или просто совпало?

Я нажала кнопку звонка. Дверь почти не пропускала звуков, и самой трели я не услышала. Обычно в таких случаях хочется позвонить еще раз, дабы убедиться, что тебя услышали. Но делать этого мне не пришлось – дверь начала медленно открываться. Она приоткрылась ровно настолько, насколько, видимо, позволяла накинута изнутри цепочка. Затем в образовавшемся проеме показалось квадратное мужское лицо – волосы ежиком, челюсть, будто у Тайсона, глаза хрюка: маленькие и сальные. Неужели так выглядит театральный режиссер, причем известный не только в нашей провинции, но и в столицах, в том числе в европейских?

Сальные глазки внимательно осмотрели меня с ног до головы, несколько задержавшись на моей груди и на талии. Затем обладатель челюсти и глазок плотоядно усмехнулся, и лицо в проеме исчезло. Дверь открылась совсем, пропуская меня в апартаменты господ Скоробогатовых. Я вошла, оставив слева от себя высокого накачанного типа в строгом черном костюме. Именно ему оное личико и принадлежало. Это явно был не Георгий Скоробогатов. Об этом говорила и пластиковая карточка, красовавшаяся на лацкане его пиджака. На ней значилось: «Иванов Алексей Викторович, охранник первой категории». И немного ниже: «Охранное агентство

„Рекс“».

– Проходите прямо по коридору! Вас ждут, – сказал охранник. Судя по голосу, по домофону со мной говорил тоже он.

«Вас ждут!» – хмыкнула я про себя. Быстро же начинается звездная болезнь у провинциальных актрисок! Но дела Алевтины Павловны, видимо, действительно плохи, если она разорилась на услуги частного охранного предприятия «Рекс»!

– Здравствуйте, Евгения Максимовна! – Сама хозяйка дома все-таки решила встретить меня в коридоре. Как это любезно с ее стороны!

Мадам Скоробогатова являла собой яркий образец женщины бальзаковского возраста. Ее лицо уже не блистало молодостью, но его еще и не коснулась старость. Возможно, здесь постарались пластические хирурги, но, должна сказать, дамой она была еще вполне привлекательной. Кожа почти без морщин, миндалевидные серо-зеленые глаза, греческий нос. Волосы, окрашенные в здоровый рыжий цвет, хорошо подстрижены и уложены – Алевтина Павловна посещала отнюдь не простой парикмахерский салон для обычных домохозяек. Но если личико хозяйки квартиры было еще вполне ничего, то вот все остальное, с моей точки зрения, оставляло желать лучшего! Талия у Алевтины Павловны, возможно, и была когда-то осиной, но эти времена давно канули в Лету. Сейчас все перевешивало ее весьма массив-

ное седалище, которое не могла завуалировать узкая длинная юбка.

– Я смотрю, вы уже позаботились о своей безопасности! – заметила я, проходя в обширную гостиную.

– Это все Жора! Он так беспокоится обо мне! – ответила Алевтина Павловна, проходя следом за мной. – Устраивайтесь, пожалуйста!

С этими словами примадонна указала мне на обширный диван из натуральной кожи, занимающий по меньшей мере четвертую часть площади комнаты. Остальное пространство было занято антикварной мебелью из красного дерева: сервант, журнальный столик, пара книжных шкафов. Я устроилась на краешке кожаного чудовища, стараясь при этом не сползти по нему на пол. Хозяйка расположилась на стуле напротив.

– Жора – это ваш муж, режиссер Георгий Скоробогатов? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Правильно, это мой муж. У меня действительно были веские основания вам позвонить, Евгения Максимовна! – сказала Алевтина Павловна, небрежно забрасывая ногу на ногу. В узкой юбке, обтягивающей ее немалые объемы, это выглядело несколько неуклюже. Хотя, наверное, она в этот момент была готова вообразить себя по крайней мере Шарон Стоун!

– Я вам верю, Алевтина Павловна! – ответила я. – Ведь чем меньше у вас оснований так полагать, тем, соответствен-

но, меньше будет работы у меня! При этом цена за мои услуги остается прежней, вне зависимости от того, угрожает вам кто-либо или нет!

Я заметила, что на щеках актрисы вспыхнул едва заметный румянец. Видимо, мои слова ее несколько задели, но она постаралась не показать этого.

– Мне постоянно угрожают! – проронила Скоробогатова.

– Да? И в чем же выражаются эти угрозы?

– Сначала это было похоже на бред сексуального маньяка. Первую записку я обнаружила у себя в уборной около двух недель назад.

– Две недели? То есть вы хотите сказать, что кто-то вам угрожает уже почти две недели, но дальше угроз так и не пошел?

– Дело в том, что, как только все это началось, Жора сразу же связался с «Рексом». У нас в квартире постоянно дежурят два человека оттуда. Они же везде сопровождают меня.

– И что, угрозы все равно продолжаются?

В ответ Алевтина Павловна только утвердительно кивнула.

– Тогда рассказывайте все по порядку.

– Все началось с того момента, как мы начали ставить «Туза в рукаве».

«Ага, значит, память тете Миле не изменила и это действительно „Туз в рукаве“», – отметила я про себя.

– По-моему, это пьеса какого-то поляка? – спросила я.

– Да, Ярика Годецкого. Он сейчас приехал в наш город
– Жора специально его привез, чтобы автор лично присутствовал при постановке.

– Наверное, это немало стоило вашему мужу?

– Да нет, я бы не сказала! – Скоробогатова пожалала плечами. – Ярик очень скромный человек, да и все расходы по поездке он взял на себя.

– Как это любезно с его стороны! – вырвалось у меня.

– Да, это более чем любезно! – согласилась со мной Алевтина Павловна. – Сейчас билет из Варшавы стоит очень дорого!

– Я думаю! Особенно учитывая нынешний курс доллара!

– Но, как я уже сказала, Яромир все расходы взял на себя! И он постоянно работает вместе с Жорой, присутствует на всех репетициях.

– Отлично. То, что пан Годецкий очень любезен и трудолюбив, я уже поняла, но что же все-таки происходит с вами?

– Дело в том, что в этой пьесе я играю главную роль, – скромно потупившись, произнесла примадонна.

«Ни секунды не сомневалась!» – подумала я. И спросила:

– А о чем пьеса?

– Ну... – Алевтина на миг задумалась. – Как обычно, любовный треугольник. Муж, жена и любовник. И все это на фоне немецкого вторжения тридцать девятого года. К любовной интриге добавлен некоторый элемент политики. А так – самая что ни на есть тривиальная история.

– И чем все кончается? – поинтересовалась я. – Муж становится членом НСДП и сдает любовника в гестапо?

– Вы почти угадали, только все наоборот! – заметила она. – После освобождения Варшавы нашими войсками любовник сдает мужа советским властям, и его расстреливают как нацистского преступника.

– Понятно! – усмехнулась я. – Дань новым политическим отношениям! Бывший старший брат стал оккупантом и агрессором!

– Вы это о чем?

– О новой роли России в современном политическом процессе! – снова усмехнулась я. – Впрочем, рассказывайте лучше, что было дальше.

– А дальше я получила первую записку с угрозами в мой адрес!

– Что за записка?

– Обычная, отпечатанная на старой пишущей машинке.

– Она у вас сохранилась?

– Ее забрал следователь. Из милиции.

– Так вы и милицию подключили к этому делу?

– А что оставалось делать! Угрозы не прекращались!

– Милиция, «Рекс» – и все бесполезно? Что было в записке? – повторила я.

– В записке было приблизительно следующее: «Я вижу тебя во сне каждую ночь, каждую ночь ты со мной. Каждую ночь я тебя имею. И я знаю, что скоро ты будешь моей». –

Произнося эти слова, Алевтина Павловна нервно передернула плечами.

– У вас объявился горячий поклонник! И что же в этом плохого? С этим можно только поздравить!

– Да, но такие записки я стала находить у себя в уборной почти каждый вечер! Причем никто в театре так и не смог сказать ничего путного о том, откуда они могли взяться. Никто не видел никого постороннего за кулисами!

– Это интересно, но думаю, что одними записками дело не обошлось?

– Да, вы правы! Записки стали принимать более угрожающий характер. Так, в одной из последних значилось, что вначале он выпьет мою кровь, а потом надругается над моим уже бесчувственным телом!

– У вашего поклонника болезненная фантазия!

– Но можете представить, каково было мне все это читать! А в один прекрасный день вся одежда в моей уборной оказалась перепачканной кровью.

– Кровью? – переспросила я.

– Да! Кровью! Самой настоящей кровью! Эксперты в милиции потом определили, что кровь принадлежала собаке. Но я тогда долго не могла прийти в себя после увиденного.

– Представляю!

– А потом в крови оказалась моя постель!

– Ваша постель? Здесь?

– Да, здесь! В этой квартире! И там же лежал окровавлен-

ный нож. Тесак для разделки туш, знаете, такой тяжелый?

– Отпечатки пальцев на нем были?

– Нет! Милиции не удалось ничего обнаружить! И в квартире тоже больше ничего не нашли!

– И как же к вам смог проникнуть неизвестный злоумышленник? – удивилась я. – Тем более вы ведь сказали, что у вас постоянно дежурят два человека из «Рекса»?

– Милиция до сих пор ломает над этим голову. А охранники не остаются в квартире, когда меня здесь нет.

– Но дверь-то у вас – будь здоров! Как же этот неизвестный умудрился проникнуть через нее?

– Этой двери всего два дня! Жора как раз решил поставить ее после последнего ужасного случая! А до этого у нас была самая обычная деревянная. Дело в том, что наш дом неплохо охраняется, и до последнего времени никто не мог предположить, что подобное может произойти! Господи! Если бы вы только знали, как мне страшно! Я уже боюсь ходить по собственной квартире! Сплю только при свете! Мне все время кажется, что кто-то дышит мне в затылок, что кто-то хочет меня схватить сзади за шею! – Губы Алевтины Павловны тряслись от волнения, она чуть не плакала.

– Да уж, веселая, надо сказать, у вас жизнь, Алевтина Павловна! – заметила я. – Но почему вы решили прибегнуть к моим услугам? Разочаровались в возможностях наших правоохранительных органов? И «Рекс» не смог справиться с вашим неизвестным, но таким горячим поклонником?

– Ни у милиции, ни тем более у нас нет никаких предположений насчет личности этого человека! – сказала Алевтина Павловна. – И я очень боюсь!

– Это я уже поняла, но откуда вы узнали обо мне?

– Мне сказал о вас один из милиционеров, такой высокий брюнет, кажется, его фамилия Лисовский.

– Да, да! Капитан Лисовский – заместитель начальника оперативного отдела городского УВД. Выходит, это он вам меня порекомендовал?

– Да, он сказал, что вы можете воистину творить чудеса. К тому же вы женщина – вам будет проще меня охранять и оставаться в тени. Проще, чем людям из «Рекса». Так он сказал.

«Ну спасибо тебе, Сереженька! За мной не заржавеет!» – отметила я про себя. Сергей Лисовский был моим другом. Мы сблизились во время совместной операции по ликвидации в нашей области незаконных вооруженных формирований одной очень нехорошей неонацистской партии. Операция оказалась удачной – нацистов в нашей области мы извели почти под корень, а я приобрела хорошего друга в рядах нашей доблестной милиции. И не только друга...

– Ну, о том, что проще, а что нет – это я сама с ним переговорю. А вот насчет того, чтобы охранять вас, – что же, я сейчас свободна и не стану отказываться от вашего предложения. Так что, если вы хотите меня нанять, – я согласна.

– Спасибо! Я вам очень благодарна! – обрадовалась Алев-

тина Павловна.

– Подождите, сначала дайте мне сделать свое дело. К тому же, если вы хотите, чтобы я на вас работала, нам необходимо обсудить некоторые формальности. Я имею в виду оплату моих услуг.

– Я готова заплатить столько, сколько будет нужно!

– Плюс организация вашей охраны по моему плану. Здесь требуется согласие моих коллег из «Рекса».

– Я думаю, что с этим тоже не будет проблем. Я с ними поговорю.

– Прекрасно! Тогда считайте, что я у вас работаю. Оплата – из расчета сто долларов в день. Вы платите за неделю вперед. Если мои услуги будут требоваться и далее – еще за неделю. Согласны?

– Конечно! – поспешила согласиться Алевтина Павловна.

– И еще: вы думали, как вы меня будете представлять окружающим?

– То есть? – удивилась Скоробогатова.

– Я имела в виду, какая у меня будет легенда?

– Легенда? – снова не поняла меня актриса.

– Обычно я работаю под прикрытием. То есть никто, кроме вас, вашего мужа и, разумеется, вашей внешней охраны, не знает, что я на самом деле телохранитель.

– А зачем?

– Иногда это серьезно облегчает мою задачу.

– Ну... – на миг задумалась хозяйка квартиры. – Я могу

представить вас как нашего нового администратора.

– А что делает администратор в театре? – спросила я.

– Честно говоря, практически ничего! – улыбнулась Алевтина Павловна.

– Ну это, я думаю, у меня получится! А сейчас я хотела бы осмотреть вашу квартиру.

– Пожалуйста! – Хозяйка встала и сделала гостеприимный жест рукой.

Я поднялась с дивана, и мы направились в недра жилища супругов Скоробогатых.

Глава 2

В квартире Скоробогатовых было четыре комнаты. И, следует заметить, это были очень большие комнаты.

– У вас есть дети? – спросила я Алевтину Павловну, когда мы прошли через гостиную, кабинет и две спальни (судя по всему, супруги предпочитали проводить ночь каждый на своей половине).

В ответ она только грустно усмехнулась. Я так и не поняла, что означала эта усмешка. Но детей у Скоробогатовых, судя по всему, не было. И вообще квартира совершенно не производила впечатления богемной. Все здесь было вылизано, вычищено, очень аккуратно разложено «по полочкам». Никаким творческим беспорядком и не пахло!

– Ну и как вам? – спросила меня госпожа Скоробогатова, когда мы снова вернулись в гостиную.

В ответ я только неопределенно пожала плечами. Я же не покупать пришла эту квартиру, а осматривала ее только на предмет организации охраны.

– Квартира как квартира! Проникновение через окна практически исключено – высокоовато, дверь вы укрепили. Думаю, что здесь вам уже ничего не угрожает. Так что охрана вам потребуется только в театре и на улице. Вот, собственно, и все, что я хотела увидеть. Кстати, после вчерашнего случая угроз больше не было?

– Нет, не было! Но ведь прошло еще очень мало времени...

– Хорошо, и что мы делаем дальше? – спросила я.

– То есть? – вопросительно посмотрела на меня хозяйка.

– То есть вы куда-нибудь собираетесь в ближайшие часы?

– В два репетиция в театре. И мне, естественно, необходимо там быть.

– И во сколько мы выезжаем?

– Вы поедете со мной? – искренне обрадовалась Алевтина Павловна.

– А как, вы думали, я собираюсь вас охранять?

– Ну, не знаю... – Она растерялась, поняв, что совершенно не представляет, как я должна работать.

– А я знаю! Без моего присутствия вы больше не сделаете ни одного шага. Я постоянно должна быть рядом. По крайней мере тогда, когда вы находитесь вне этих стен. Хорошо?

– Хорошо... – согласилась Алевтина Павловна.

– Так во сколько мы выезжаем? – повторила я.

Скоробогатова посмотрела на дорогие антикварные настенные часы с маятником. Они показывали час пополудни. Если мы собирались ехать в театр, то нам уже пора было выезжать.

– Я, пожалуй, пойду переоденусь, и поедем. Вы подождете здесь? – спросила она.

– Хорошо! – Я снова присела на чудовищный диван, а Скоробогатова исчезла в своей спальне.

Итак, я снова при деле. Только вот дело какое-то сумасшедшее! Мне доводилось охранять банкиров, бизнесменов и прочую деловую братию. Но работать с актрисой, которую преследует неизвестный маньяк? Такого в моей практике еще не было!

Мне приходилось освобождать заложников, убирать полевых командиров, устраивать дерзкие диверсии в лагерях террористов – и все это в пределах географии нашей старой доброй империи, некогда занимавшей одну шестую часть земной суши. Но то, с чем мне пришлось столкнуться сейчас! Ни в период моей службы в спецотряде «Сигма», ни после моего увольнения из рядов наших доблестных специальных сил, когда я стала работать кем-то вроде частного охранника, такого идиотского дела у меня еще не было!

К тому же в деле этом была некая неувязка. И я не могла понять, какая. Вначале – записки в уборной. Предположим, что у актрисы могут быть сумасшедшие поклонники. Это вполне можно допустить. Потом – кровь в уборной. Это тоже можно понять, если, конечно, предварительно почитать кого-нибудь из психоаналитиков – пресловутого Фрейда, например. Но вот тесак в постели – это, на мой взгляд, уже слишком!

Можно проникнуть в уборную и оставить там записку сексуально-угрожающего содержания. Можно притащить туда банку с собачьей кровью и перепачкать театральные наряды актрисы. Но станет ли маньяк проникать в чужую квартиру,

причем охраняемую? До какой же степени должно быть не удовлетворено его либидо. Нет, последние пакости неизвестного поклонника Алевтины Павловны явно выпадали из общей модели его поведения!

– Не скучали? – Алевтина Павловна прервала мои размышления. Она вышла из своей опочивальни, разодетая и раскрашенная. Со слоем косметики ее лицо стало выглядеть значительно моложе и еще привлекательнее, а дорогой брючный костюм несколько сгладил недостатки полной фигуры.

– Конечно, нет, все в порядке! Вы готовы? – Я встала и приготовилась идти.

– Да! Сейчас едем! Леша! Мы едем в театр! – Последние слова она произнесла громко, так, чтобы было слышно в коридоре.

В комнату вошел тот самый охранник, что встретил меня в коридоре. Его взгляд, скользнув по хозяйке, вновь остановился на мне.

– Кстати, познакомьтесь: Евгения Максимовна – твоя коллега. Она тоже будет меня охранять.

Леша только кивнул в ответ, еле заметно усмехнувшись. Мне его усмешка не понравилась, хотя я уже успела привыкнуть к, мягко говоря, скептическому отношению профессиональных охранников-мужчин к моей персоне. Обычно подобное отношение сохранялось до первой возможности проявить свой истинный профессионализм, и уж тут-то я давала сто очков форы любому мужику!

– Вас отвозит в театр машина? – спросила я Скоробогатову.

– Да, сейчас она уже должна быть у подъезда. Леша, посмотри, Николай приехал?

Должна сказать, что командовать мужиками этой даме явно было не впервой.

Леша молча достал откуда-то из недр своего пиджака портативную радиостанцию и нажал кнопку вызова.

– Первый – это Второй! Как слышишь? – произнес он в микрофон.

Из радиостанции сквозь треск помех мы услышали в ответ мужской голос:

– Второй! Я на месте. Можете спускаться!

– Все в порядке, Алевтина Павловна! – отрапортовал Леша хозяйке.

– Вот и отлично! – ответила та. – Значит, едем!

Когда мы спускались в лифте, Алексей стоял около дверей. Вполне правильное поведение: в случае внезапного нападения со стороны входа охранник прикрывает своего клиента. Должна сказать, что пока «Рекс» действовал вполне на уровне. По крайней мере до сих пор я ни к чему не могла придраться. Это радовало – значит, не придется учить этих ребят уму-разуму!

У самого подъезда нас ожидала белая «Волга» с заведенным двигателем. За рулем сидел парень примерно такой же комплекции, как и первый охранник. Прическа и форма ли-

ца тоже почти совпадали.

И вот, когда мы уже ступили на крыльцо, произошли совершенно неожиданные события: откуда-то справа раздались выстрелы. Точнее, звуки, очень напоминающие автоматную очередь.

Алексей, идущий впереди нас, тут же обернулся и громко закричал:

– Ложитесь!

Он достал откуда-то пистолет и плюхнулся на асфальт, целясь в сторону, откуда раздались эти громкие звуки. Скоробогатова тут же решила последовать его совету. Я – нет. Уж я-то знаю, как звучат настоящие выстрелы. То, что мы услышали, могло быть чем угодно, но только не автоматной очередью.

В подтверждение моей мысли из-за угла показались двое мальчишек лет по десять-одиннадцать. Один из них нес в руке яркую связку китайских петард, которые сейчас в большом количестве продаются везде, где только это возможно.

– Сейчас еще вон там рванем! – Один из них показал другому куда-то в сторону клумбы в центре двора. И замолчал, в удивлении остановившись. И было чему удивляться – прямо перед ним на асфальте лежал на животе дядя огромных размеров, одетый в хороший костюм. Дядя держал в руках огромный пистолет. На крыльце позади дяди лежала тетя, тоже на животе и тоже в костюме. Согласитесь, что такую картину на наших улицах можно увидеть нечасто.

У пацана от удивления открылся рот. Второй испуганно взял первого за руку, также не отрывая взгляда от странных людей на асфальте. Немая сцена продолжалась где-то с полминуты, затем оба сорванца одновременно молча повернулись и кинулись наутек.

– Мать твою! – выругался Алексей, вставая и отряхиваясь. Его костюм от соприкосновения с асфальтом несколько потерял свой товарный вид.

– Что все это значит? – Алевтина Павловна также тяжело поднялась, оперевшись на подставленную мной руку.

– Это значит, что сотрудники охрannого агентства «Рекс» не могут отличить взрывы петард от настоящих выстрелов! Не слышали, наверное, никогда, как стреляют по-настоящему? – заявила я, мстительно глядя на бугая Лешу.

– Да ладно вам... – сокрушенно вздохнул он. – Нервы на пределе, достал уже этот козел!

– Так мы едем или нет? – Второй охранник вышел из машины и встал рядом. При этом он с удивлением уставился на меня.

– Николай, это Евгения Максимовна Охотникова. Она тоже будет меня охранять. И самое главное – теперь она будет координировать вашу работу! – поспешила представить меня Алевтина. В сопровождении Алексея она обошла машину и приземлилась на заднее сиденье.

– Ну это уж как босс скажет! – недовольно ответил Алексей, также занимая свое место в машине рядом с водителем.

Всю дорогу, пока мы ехали в театр, в салоне царило тяжелое молчание. Видимо, рексовцы тяжело переживали свой промах перед конкурирующей организацией, которую к тому же имела честь представлять женщина.

* * *

Наш местный театр драмы находился неподалеку от центра города. Это было современное здание из стекла и бетона с выступающим вперед сплошным стеклянным фасадом. Здание располагалось посреди небольшого сквера с двумя рядами бетонно-деревянных лавочек. Деревянные части лавочек уже давно перекочевали на дачный участок какого-то чересчур практичного аборигена. На оставшихся бетонных тумбах сидеть было просто опасно для здоровья, поэтому сквер этот использовался местными старушками исключительно для выгула своих мопсов и пекинесов. Впрочем, мы подъехали не к главному входу, а к служебному, который находился с противоположной стороны здания, на Железнодорожной улице.

На крыльце служебного входа нас ждал, нервно переминаясь с ноги на ногу, невысокий толстенький человечек. Его несколько обрюзгшее (видимо, от постоянного принятия алкоголя) лицо украшала широкая окладистая борода, которая с лихвой компенсировала недостаток волос на его лысеющей голове.

– Ах, Аленька! Наконец-то! А то я уже начал волноваться! – Как только Алевтина Павловна вышла из машины, бородатый толстячок поспешил спуститься к ней, смешно перебирая ногами по лестнице. Судя по всему, это был Георгий Скоробогатов собственной персоной.

– Все в порядке, милый! – проворковала Алевтина, целуя супруга в щеку. – Я приехала в сопровождении Евгении Максимовны.

– Евгении Максимовны? – удивленно поднял густые брови Скоробогатов.

– Ну да! Охотниковой! Или ты забыл о рекомендации капитана Лисовского?

– Ах да! Действительно, забыл! Так ты уже и этот вопрос успела решить?

– Конечно, мой козлик! Я же у тебя золотце! Мы с Евгенией Максимовной успели обговорить все формальности, и она любезно согласилась нам помочь!

– Очень приятно, Евгения Максимовна! – Скоробогатов подошел ко мне и поцеловал мне руку. – Можно я буду называть вас просто Женей?

– Конечно, можно! А я вас просто Жорой... – согласилась я. Он не заметил или же сделал вид, что не заметил моего легкого сарказма.

– Пойдем, а то Яромир уже заждался нас! – прервала наш разговор Алевтина Павловна. Пока Скоробогатов со мной любезничал, ее глаза просто метали молнии.

Мы прошли в здание театра и поднялись на третий этаж. Именно там располагалась малая сцена, на которой и ставилась «Туз в рукаве». Небольшой зрительный зал, куда мы вошли, насчитывал всего сто – сто двадцать кресел. На первом ряду уныло скучал, откинувшись на спинку кресла и закинув обе ноги на приставленный спереди стул, длинноволосый человек лет тридцати пяти. Он что-то мило насвистывал, глядя в потолок, и при этом планомерно подкидывал в воздух и тут же ловил желтый теннисный мячик. Должна сказать, что с координацией у него было все в порядке – мячик ни разу не упал на пол.

Услышав, что в зал входит группа людей, он, оставив свое глубокомысленное занятие, вскочил с кресла и быстро направился к нам, не выпуская мячика из рук. Правильнее было бы сказать, что он почти побежал. Казалось, его несет какая-то бушующая в нем стихия. При этом, когда он перемещался, его длинные волосы развевались так, словно он бежал против сильного ветра.

У человека было узкое лицо с большим подбородком, выступающими скулами и орлиным носом. Некоторая раскосость серых глаз, пронзительно смотревших из-под густых бровей, свидетельствовала о наличии у их владельца восточной крови. Но была в этих глазах еще и какая-то наивность, столь характерная для представителей цивилизованного зарубежного мира. Не знаю почему, но по такому взгляду сразу можно сказать о человеке: «не наш». Именно так я и по-

думала о подбежавшем к нам длинноволосом типе.

– Яромир, извини, мы заставили тебя ждать! – сказал ему Скоробогатов.

– О! Ничего страшного! – ответил сероглазый.

Годецкий хорошо говорил по-русски, но с некоторым акцентом, очень похожим на прибалтийский. Я уже не сомневалась, что перед нами тот самый польский драматург, который оставил благополучную Европу ради того, чтобы наши провинциальные зрители увидели его пьесу. Впрочем, может быть, просто у него не было другого выбора и, кроме наших зрителей, никто больше не хотел наслаждаться его бессмертным творением.

– Познакомься с нашим новым администратором – Евгенией Максимовной Охотниковой, – представил меня Скоробогатов.

– О! Очень приятно! – Годецкий элегантно поклонился. – Ну почему в России так много красивых женщин!

– Думаю, что в Польше их не меньше! – улыбнулась я.

– А вы были в Польше? – спросил Годецкий.

– Честно говоря, нет!

– Вам обязательно надо у нас побывать! Вы просто затмите своей красотой всех наших барышень, пани Охотникова!

– Называйте меня Женя, пан Годецкий.

– Вы тоже можете называть меня просто Яромир. Или Ярик – так меня зовут друзья!

– Мы будем сегодня работать или нет?! – Алевтина Пав-

ловна была явно недовольна тем, что очередной мужчина смотрит на меня с нескрываемым восхищением. Ну, с ее мужем все понятно, но при чем тут несчастный поляк? Или эта дама положила глаз на всех мужчин, которые ее окружают, и всех их считает своей собственностью? Боюсь, что в этом случае мне не удастся долго с ней проработать!

– Да, действительно, пора приступать! А то Горбунов нас всех расстреляет, если мы не сделаем спектакль к началу сентября, – сказал Скоробогатов.

– Горбунов – это кто? – спросила я.

– Как? Вы не знаете директора нашего театра? – удивилась Алевтина.

– Ну откуда Евгения Максимовна может знать фамилию директора? – подал голос Скоробогатов. – Ее ведь не печатают в афишах!

– Да уж! – хмыкнула его супруга. – Зато твое имя там красуется постоянно!

– И твое, между прочим, тоже! – заметил главный режиссер.

– А я-то думала, что главный режиссер – это действительно главный человек в театре! – сказала я.

– Вы наивная девушка! – махнул рукой Скоробогатов. – У нас деньги на постановку выделяет именно директор. А кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Ладно, пора начинать! Где остальные актеры? Люди! Пора на сцену!

Последние слова Скоробогатов прокричал, сложив руки

рупором в сторону небольшого возвышения, которое, видимо, и служило сценой в этом маленьком зале.

* * *

Как я уже говорила, к заядлым театралкам меня отнести нельзя. Может быть, я рискую показаться банальной и неинтеллектуальной, но театру я все-таки предпочитаю кинематограф. Вероятно, именно поэтому театральная репетиция показалась мне совершенно унылым и скучным зрелищем.

Насколько я поняла, в пьесе было всего три главных героя – тот самый классический любовный треугольник, о котором мне уже успела рассказать Алевтина Павловна.

Битый час я наблюдала за тем, как Алевтина Павловна, а точнее, ее героиня, пыталась объяснить своему любовнику, что она не может оставить мужа, потому что тот без нее погибнет от тоски. В это время ее настоящий муж нервно ходил рядом со сценой, время от времени то одобрительно поддакивая, то, наоборот, прерывая актрису фразами типа «Здесь надо не так!» или же «Нет, ты не права! Это неубедительно!» Прямо Станиславский какой-то со своим знаменитым «Не верю!»

Героиню Скоробогатовой звали Агнешкой. Не знаю, какого возраста должна была быть данная пани по пьесе, наверное, молодой, лет двадцати пяти. Во всяком случае, столько было актеру, который играл ее любовника, – по-моему, Ско-

робогатов называл его Аркадием. Это был божественного вида молодой человек с густой шевелюрой длинных черных волос, черной бородой и такими же черными усами. И глаза у Аркадия тоже были черные и жгучие. Должна сказать, что внешне он мне понравился – очень импозантная личность. И играл он, надо сказать, куда лучше своей партнерши. Но тем не менее скоробогатовские «Здесь надо не так!» звучали чаще в его адрес, нежели в адрес Алевтины Павловны.

– Аркаша! – кричал режиссер. – Ну как ты это сказал? Ты сам-то слышал, как ты это сказал? Ты думаешь, что так можно убедить женщину уйти от мужа?! Ты что, никогда не уводил чужих жен?

– Конечно, нет, Георгий Михайлович! – начинал оправдываться Аркаша.

– Ну и кто ты после этого? – эмоционально продолжал Скоробогатов. – Ты хочешь сказать, что ты актер? Да дерьмо ты, а не актер!

«Я бы заехала ему по физиономии за такие слова!» – подумала я.

Но Аркадий не заехал. Он только гневно сверкнул на Скоробогатова своими черными очами и как ни в чем не бывало продолжал играть сцену. Однако выдрессировал своих актеров господин Скоробогатов!

Годецкий во время репетиции довольно безучастно сидел все в той же позе, в коей мы его застали в самом начале, и подкидывал свой дурацкий мячик. У меня создалось стран-

ное ощущение, что этому драматургу совершенно безразлично, что делает русский режиссер с его творением.

В конце концов это зрелище мне быстро наскучило, и я решила пройтись по театру, а заодно и посмотреть, где же располагаются уборные актеров. Оставив служителей Мельпомены заниматься своим делом, я вышла из зала и по лестнице спустилась на один этаж ниже. Ранее я успела заметить там дверь в длинный коридор, судя по всему, проходящий за большой сценой.

Коридор там действительно был. Только вот куда он вел? Я прошла по узкому пространству. Слева была обычная стена, выкрашенная масляной краской, а справа – металлический каркас, обтянутый полотном, лицевая сторона которого была выкрашена в какие-то немыслимые цвета. Судя по всему, я набрела на сценическую декорацию, и мне захотелось увидеть, что же такое изображено там с лицевой стороны. Но как раз в этот момент где-то наверху заработал двигатель, и каркас начал медленно подниматься. За ним оказался точно такой же каркас, только полотно, натянутое на нем, было окрашено уже в другие цвета и имело другой рисунок.

– Вася! Тут все нормально идет! – раздался мужской голос откуда-то сверху.

– Нормалек! Теперь опускай ее впереди! – ответил ему другой голос, идущий уже со стороны предполагаемой сцены из-за декораций. Театр готовился к скорому началу сезона.

– Ой, блин! – вдруг раздалось сверху. – Берегись!

Интуитивно я почувствовала опасность. И резко прыгнула вперед, перекувыркнувшись через голову и снова встав на ноги в двух метрах от того места, где находилась еще секунду назад. А на том месте уже лежал огромный моток толстого стального троса, только что с грохотом упавший с верхотуры. Я подняла голову и где-то на высоте пятнадцати метров увидела испуганное лицо мужчины лет сорока, который находился в какой-то специальной люльке, подвешенной почти под самым потолком.

– Ну, ты даешь, девка! – крикнул он. – Я уж думал – все, сейчас тебя этой фигней придавит! Эх ты сиганула-то!

– Что там случилось? – Откуда-то из-за декораций вышел еще один техник в брезентовой робе.

– Да вот девку чуть тросом не пришиб! – крикнул ему сверху первый. – Хорошо, она гимнасткой оказалась – отскочила!

– Ну и ну! – покачал головой второй. И сказал уже мне: – У нас тут надо ухо остро держать! Того и гляди, что-нибудь на голову упадет – колонна или статуя какая!

Он подошел к тросу, столкновения с которым мне чудом удалось избежать, и попробовал его на вес.

– Кило пятьдесят будет! Если бы попало – пиши пропало! – И рабочий рассмеялся только что придуманной рифме. – А ты куда шла-то, гимнастка?

– Мне нужно пройти к уборным актеров! – сказала я.

– Так чего же тебя на сцену-то понесло? – махнул рукой

мужик. – Это ж через третий этаж надо было идти!

– Так я оттуда и спустилась!

– Ну теперь-то уж иди дальше. До двери. А там сама увидишь! – И, махнув рукой в ту сторону, куда я и направлялась, мой собеседник снова исчез где-то за декорациями.

Я продолжила свой путь по коридору и в конце концов оказалась около небольшой двери. Ага! Та самая, о которой говорил рабочий! Но, открыв ее, я снова оказалась на лестнице, только уже с противоположной стороны здания! Должна признаться, что при всех своих тактических навыках я практически полностью потеряла ориентацию в этих дурацких коридорах! Ну и строили у нас в застойные годы храмы искусства! Прикинув, куда идти дальше, я решила, что лучше будет отправиться вниз по лестнице. Я спустилась на один этаж и там наткнулась на маленькую аккуратную старушку – именно такие обычно работают гардеробщицами в театрах, музеях или консерваториях. Та, что попалась мне, на все сто процентов соответствовала этому распространенному типу.

– Вы кто? – строго спросила меня старушка.

– Я? – В первый момент я даже немного растерялась. Но потом вспомнила свою легенду. – Я ваш новый администратор.

– Администратор? – недоверчиво покосилась на меня старушка.

– Я сегодня первый день! – сказала я. – Честно говоря,

немного заблудилась!

– А ты куда хотела попасть-то? – немного смягчилась старушка.

– Да просто хотела разобраться, где что находится. А вообще меня интересуют уборные актеров.

– А! – Бабушка понимающе кивнула. – Так это тебе наверх. На третий этаж. Пройдешь по такому же коридорчику и увидишь много дверей. Это и есть служебные комнаты. Там вначале идут кабинеты директора, режиссера и прочего начальства. А дальше – актерские уборные.

– Ну спасибо! А то очень уж у вас запутанное здание.

– Привыкнешь! Здесь все быстро привыкают! – махнула рукой бабушка и пошла дальше.

«К чему привыкают?» – подумала я, глядя, как она быстро семенит вверх по лестнице.

Глава 3

После долгих блужданий по зданию театра я наконец нашла тот самый коридор, о котором говорила мне старушка. Длинный, но очень уютный, видно, совсем недавно отремонтированный, с красивым навесным потолком и с эффектной точечной подсветкой. В нем действительно оказалось много дверей, над каждой из которых была прикреплена небольшая табличка.

«Горбунов Юрий Петрович, директор» – значилось на первой. Следующей была дверь с табличкой «Скоробогатов Георгий Михайлович, главный режиссер». Понятно. Здесь сидят рулевые. Но дальше на табличках были только номера. А где же артистические уборные? Я пошла дальше, пытаясь по каким-нибудь признакам определить, за какой дверью могла бы находиться комната Алевтины Скоробогатовой. Спросить об этом было совершенно не у кого – коридор был абсолютно пуст!

Кстати, меня вообще удивил факт практически полного отсутствия людей в здании. Кроме тех двух рабочих и старушки, я так больше ни с кем и не встретилась (естественно, не считая группу, которая в данный момент усердно репетировала на малой сцене). Создавалось впечатление, что театр просто вымер.

Но вдруг одна из дверей открылась, и из нее вышел ка-

кой-то человек. Он спокойно пошел по коридору в сторону, противоположную от меня.

– Эй! – окрикнула я его. – Не могли бы вы мне помочь?

Услышав мой голос, человек почему-то вздрогнул и, как мне показалось, в первый момент хотел броситься бежать. Но потом, словно пересилив это свое странное желание, он остановился и медленно обернулся ко мне.

Это был мужчина средних лет. Светлые волосы, подстриженные ежиком, маленькие бегающие глаза на бледном лице. Довольно странная личность!

– Вы не могли бы мне помочь? – повторила я.

– Я? – переспросил человек и как-то странно дернул головой. – Вам?

Казалось, что факт моего присутствия в этом коридоре его обескуражил. Интересно почему?

– Кому же еще? По-моему, кроме меня, здесь никого нет! – ответила я.

– Да, никого нет... – тихо, словно про себя, повторил незнакомец.

– Так вы можете мне помочь? – снова спросила я. – Я ищу комнату актрисы Скоробогатовой.

– Я не знаю... – прозвучало в ответ.

– Чего не знаете? – Меня уже начала раздражать странная манера этого типа выражать свои мысли.

– Я не знаю, где эта комната! – ответил он. Его голос звучал как-то отстраненно и равнодушно.

– Как не знаете? Вы не работаете в театре? – удивилась я. – Тогда что вы здесь делаете?

– Я... Я работаю в театре! – торопливо проговорил мой странный собеседник. – Я техник. Я техник сцены. Но я не знаю, где эта комната.

И, повернувшись, торопливо пошел по коридору в том же направлении, что и раньше.

– Эй!.. – окликнула было я его, но потом только махнула рукой, поняв, что вряд ли смогу от него чего-нибудь добиться.

А тип между тем дошел до конца коридора и свернул куда-то налево – видимо, на очередную лестницу. Сколько же лестниц может быть в этом дурацком здании!

Пройдя еще несколько шагов, я остановилась около двери, из которой вышел мой немногословный собеседник. Дверь была немного приоткрыта.

Я взялась за ручку и осторожно потянула дверь на себя. Она открылась с густым протяжным скрипом. Тоже мне, техники! Петли смазать не могут! Я осторожно заглянула в комнату и осмотрелась. Слева от меня стояло трехстворчатое зеркало. Столик перед ним был уставлен разного рода косметикой. Около столика находился симпатичный маленький пуфик, сидя на котором, должно быть, звезда провинциальной сцены готовилась к очередному выходу. Всю противоположную стену занимал огромный шкаф-купе с зеркальными дверями. Не занятые зеркалами стены были оклеены теат-

ральными афишами. Это были афиши разных местных постановок. Я даже не знала названий спектаклей, которые были на них представлены.

Практически на всех афишах фигурировала в разных нарядах и в разных позах уже хорошо знакомая мне Алевтина Павловна Скоробогатова. Сделав несложное умозаключение, я поняла, что данная комната скорее всего принадлежит именно ей.

Стоп, но что в этой комнате делал странный техник? Что вообще может делать техник сцены в уборной артистки? Кроме того, я ведь простым русским языком сказала ему, что ищу именно эту комнату! Почему же он мне соврал, что не знает, где она? Самым вероятным объяснением происшедшего было то, что человек этот не был никаким техником. Более того, именно он и был тем самым навязчивым обожателем Алевтины Павловны, чьи ухаживания полностью лишили сна и покоя несчастную актрису.

Боже мой! Надо же было мне так опростоволоситься! Ведь я разговаривала с маньяком, была на расстоянии вытянутой руки от него и преспокойно его отпустила! Теряете форму, Евгения Максимовна, ой теряете!

Я выбежала из комнаты Скоробогатовой и бросилась по коридору вслед за человеком с бледным лицом. Коридор, как я и предполагала, оканчивался дверью, ведущей на лестницу. И опять – один пролет вверх, другой вниз! Снова распутье! Куда же бежать? И я быстро ринулась вверх по лестнице.

Нет, я все-таки действительно теряю форму! Выбранная мною лестница упиралась в тяжелую клепаную металлическую дверь о двух засовах с навесными замками. Серьезное сооружение! Как бы ни был озабочен человек, за которым я бежала, думаю, что его уязвленное либидо вряд ли могло провести его сквозь эти засовы!

Я почти купилась и на эту дверь, и на эти засовы и уже собиралась вернуться назад, на этаж ниже. Но, бросив последний взгляд на замки, неожиданно поняла, что это сплошная фикция. Замки были надеты только на первые ушки засовов, а сами засовы были выдвинуты из своих пазов ровно настолько, чтобы это позволяло двери спокойно открываться. А с первого взгляда казалось, что дверь эта заперта «всерьез и надолго»!

Что же я стою и пялюсь на эту дверь, как баран на новые ворота? От этого ведь она не откроется! И я решительным движением дернула дверь на себя. Но она не поддалась. Тогда я дернула еще раз, приложив определенные усилия. На этот раз тяжелая дверь с душераздирающим скрипом отошла в сторону. За ней была темнота – какое-то большое и совершенно неосвещенное помещение. Что это, чердак? Боже мой, неужели этого типа понесло туда? Если так, то он действительно опасный сумасшедший!

В это время, словно в подтверждение моей последней мысли, откуда-то из темноты раздался странный звук, словно кто-то наступил на кусок стекла. Конечно, это могла быть

и крыса... Но что-то мне подсказывало, что эта крыса перемещается на двух лапах, а точнее, на двух ногах...

Чтобы не быть прекрасной мишенью на фоне освещенного проема двери, я на всякий случай отошла от нее в сторону и крикнула:

– Есть там кто-нибудь?!

Глупо! С тем же успехом я могла бы спеть в темноту «В лесу родилась елочка». Результат был бы точно такой же. А точнее, никакого результата! Только тишина! Впрочем, ничего другого я и не ожидала.

Однако меня не оставляло чувство, что в темноте кто-то прячется. Кто-то притаился и терпеливо ждал, когда же наконец мне надоест обмениваться глупыми фразами с пустотой и я уберусь восвояси. Единственный способ выяснить, действительно ли это так или же у меня просто весеннее обострение застарелой шизофрении, – самой войти в это темное помещение.

Итак, пожалев, что не взяла с собой ни оружия, ни какого-нибудь хотя бы маленького фонарика, я переступила порог чердака. И сразу же отскочила вправо и затаилась, прислушиваясь. Правильнее было бы сказать: я вся превратилась в слух.

Я ловила каждый звук, пытаюсь понять, где конкретно находится притаившееся в темноте существо или человек. Или же здесь действительно никого нет?

Никогда – ни в детстве, ни тем более сейчас – я не боялась

темноты. Помню, как учил меня отец:

«Темнота, Женька, – это самая выгодная диспозиция! Ты с противником на равных – ни он тебя, ни ты его не видишь...»

Уже потом, через десять лет, инструктор по выживанию в экстремальных условиях говорил нам почти то же самое, но с маленькой поправкой:

«В темноте вы с противником на равных, но один из вас, тот, кто лучше ориентируется по слуху, по обонянию, по осязанию, наконец, – тот все же „равнее“, и именно он выживает!»

Сейчас я вспомнила эти слова! Со всех сторон меня окружала темнота, только свет из открытой двери недлинной и тусклой дорожкой ложился на пыльный пол примерно в двух шагах от меня. Чуть дальше дорожка эта начисто растворялась во мраке.

Мои глаза постепенно начали привыкать к темноте. Еще немного – и я стала различать тонюсенькие лучики дневного света, пробивающиеся откуда-то сверху: то ли в щели крыши, то ли через забитые чердачные окна. В свете этих лучиков вокруг меня постепенно проступали тени каких-то непонятных пока предметов – то ли нагромождений старой мебели и реквизита, то ли каких-то хитроумных сценических приспособлений.

В этот момент где-то впереди и слева от меня снова что-то звякнуло. Я напряженно присела, принохиваясь словно

ищейка, пытаюсь поймать запах того, кто скрывался где-то рядом со мной в темноте. Или же уловить хотя бы слабое движение воздуха вокруг его тела. Но пока все было безрезультатно.

Тогда я сделала несколько осторожных шагов в сторону, откуда раздался странный звук. Я ступала тихо, так, как учили меня в нашем спецлагере, медленно перенося тяжесть тела с пятки на носок. Неосторожность при таком перемещении в условиях реальных боевых действий означала бы неминуемое обнаружение тебя противником. И, как следствие, неминуемую смерть от пули снайпера или от ножа вражеского командос. Меня научили, как не делать таких ошибок и тем самым продлевать себе жизнь. В данный момент эти знания пригодились как нельзя кстати!

Я продвигалась все дальше и дальше, стараясь ни на что не наткнуться и ничего не задеть. Иногда мне казалось, что совсем рядом я слышу чье-то дыхание. Но это был лишь плод моего воображения, подстегнутого выброшенным в кровь адреналином и напряженными, как струны, нервами. Впрочем, это было не то напряжение, которое порой лишает человека всякой возможности действовать. Наоборот, мое сознание было ясно, как никогда, и в любой момент я была готова отразить внезапное нападение неизвестного противника.

Я продвинулась еще немного вперед. Остановилась и снова прислушалась. Но в этот момент нервы у моего невидимого оппонента не выдержали. Я так и не поняла, где же он все

это время прятался, но его появление откуда-то справа стало для меня полной неожиданностью. Точнее, не само его появление – как я уже сказала, я была готова к любым неожиданностям... Почти к любым... А то, что мой противник бросится мне под ноги на четвереньках, – этого я, честно говоря, совершенно не ожидала, но именно так все и произошло.

Видимо, этот тип просто меня не заметил и натолкнулся на мои ноги в темноте совершенно случайно. Но я от неожиданности потеряла равновесие и села на кучу какого-то бумажного мусора, которая очень кстати оказалась рядом.

А странный четвероногий человек что есть мочи побежал в сторону яркого пятна открытой двери, одновременно меняя способ перемещения с четырех ног на две. Наверное, именно так, по дедушке Дарвину, наш вид учился ходить в процессе эволюционного превращения обезьяны в человека...

Громко выругавшись, я вскочила на ноги и бросилась за ним, но, увы, момент был упущен! Человек уже успел убежать через дверь наружу. Все, что мне удалось увидеть, – это четкий силуэт убегающей фигуры на фоне белого квадрата открытой двери. Он был невысок и, по-моему, сутуловат. Точно – тот тип, с которым я встретилась в коридоре! И снова я попала впросак – уже второй раз за сегодняшний день! Еще один такой случай, и мне придется подавать в отставку!

Тем временем дверь захлопнулась, оставив меня один на

один с окружающим мраком. Вдобавок ко всему я услышала, как задвинулись оба засова. Меня закрыли, даже замуровали! Меня, Евгению Охотникову, профессионала высочайшего класса, обвели вокруг пальца, словно какую-нибудь последнюю школьницу! И главное – кто обвел! Какой-то дефективный полоумный тип! Вот это да! Главное – никому об этом не рассказывать, а то засмеют... Хотя кому я могу что-нибудь рассказать в таком положении! Крысам, что ли? На ощупь мне удалось добраться до двери. Судя по всему, изнутри она тоже была обита железом. Открыть ее голыми руками не стоило и пытаться!

С досады я изо всех сил стукнула по клепаной металлической обивке. Естественно, дверь даже не шелохнулась. Даже звука от удара почти не было слышно. Надежная конструкция! Была бы у меня хоть какая-нибудь взрывчатка – вот тогда бы я с ней разобралась. Но ни взрывчатки, ни даже простого подручного инструмента для того, чтобы попробовать справиться с этой преградой, у меня не было.

Оставалось одно – искать другой выход. Хотя вероятность того, что он существовал, была очень и очень мала. Я пошла от двери вдоль стены, чтобы получить хотя бы какое-то представление о форме и размерах помещения, в котором оказалась. На ощупь стена была кирпичная, без следов штукатурки. Судя по всему, это действительно какое-то чердачное помещение. Стоп! Я дошла до первого угла. Дальше путь мне преграждала стена. Примерно двадцать шагов вправо от

двери, то есть примерно пятнадцать метров. Прикинув приблизительное направление, я начала медленно продвигаться через чердак по диагонали, к противоположному углу.

Под ноги то и дело попадался какой-то дурацкий мусор: тряпки, пачки какой-то бумаги, наверное, газеты и бог знает какой еще хлам. Правила противопожарной безопасности в этом театре явно не соблюдались.

Я пожалела, что не прихватила с собой зажигалку или спички. Я бы сейчас просто осмотрелась! Но спичек у меня не было, и, стало быть, ответственные за противопожарную безопасность этого здания могли спать спокойно, а мне ничего не оставалось, как продолжать бродить по этому дурацкому помещению на ощупь, подобно ослепленному циклопу Полифему. Впрочем, у того еще под ногами путался злобный Одиссей со своей командой, а я здесь была совершенно одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.